

РОДОМ НЕ ИЗ ДЕТСТВА – ИЗ ВОЙНЫ

«Мы родом не из детства – из войны», – так зорят о себе малолетние жертвы нацизма. Они видели, как гибли их родные в концлагерях, гетто и гестаповских тюрьмах. Они на себе познали все ужасы фашизма: насилие, рабский труд, голод, холод, зверства палачей. Немногие из них дожили до победного мая 1945-го...

Но и после окончания войны узники фашистских лагерей оказались униженными и бесправными в родной стране. Их считали врагами народа, предателями. Им запрещалось проживать в Москве и Ленинграде. Тогда в СССР считалось, что советский человек против своей воли не может оказаться в плену, а если был пленен, значит – предатель, изменник. Такое же клеймо приходилось носить и малолетним узникам. Бесправие по отношению к ним проявлялось и в том, что пребывание в оккупации и тем более в немецких лагерях ограничивало в устройстве на работу, в поступлении в высшие учебные заведения страны. Узники вынуждены были скрывать этот факт своей биографии. Так продолжалось до конца 80-х годов прошлого века.

Только в 1988 году в Киеве состоялась первая открытая встреча бывших малолетних узников. На ней писатель Альберт Лиханов, председатель Детского фонда, по велению совести и сердца просил прощения у бывших малолетних узников, головы которых уже убелила седина. Просил прощения за то, что они в свои юные годы безвинно приняли страшные муки войны, за то, что страна не смогла их защитить, за то, что долгое время они были изгоями и государство не признавало их участниками Великой Отечественной. Тогда же был создан Международный союз бывших малолетних узников фашизма. Сегодня единственное в мире международное объединение малолетних жертв фашизма насчитывает около полумиллиона человек из Армении, Беларуси, Болгарии, Казахстана, Латвии, Литвы, Молдовы, России, Узбекистана, Украины, Эстонии. В конце 80-х годов прошлого века их было в два раза больше.

В июне будущего года Тольяттинской городской организации бывших малолетних узников фашистских лагерей исполнится 25 лет. Ее основала Антонина Михайловна Соколова. Благодаря ей в школе №24 создан музей бывших малолетних узников концлагерей, оказана большая помощь в розыске документов, подтверждающих пребывание в немецких застенках, проведена огромная организационная работа по созданию объединения. Вместе с ней у истоков создания организации стояла Лариса Ивановна Молчанова, которая с 2001 года по сей день является ее председателем.

В 1990 году, когда Лариса Ивановна пришла в организацию, объединение бывших узников насчитывало 25 человек. «Мы собирали деньги, покупали конверты, ручки, бумагу, а также конфеты и ехали в военный госпиталь в промзоне Тольятти, где в то время лечились ребята, раненные во время чеченских событий. Посещали осужденных подростков в жилищной колонии. Мы тогда были моложе и сил было больше, – вспоминает Лариса Ивановна. – Проводили встречи с учениками школ, рассказывали, кто мы такие, что нам довелось пережить в годы войны. Рассказывали не только школьникам, но и всему обществу: мы не виноваты, что отцы наши ушли на фронт, а государство не сумело нас защитить. Страна нас услышала: 15 октября 1992 года был издан Указ Президента РФ «О предоставлении льгот бывшим несовершеннолетним узникам концлагерей, гетто и других мест принудительного содержания, созданных фашистами и их союзниками в период Второй мировой войны».

Еще в прошлом году бывших малолетних узников в Тольяттинской организации было 280, сегодня их 165 – людей преклонного возраста со слабым здоровьем, но непокоренным духом. Среди них чудом выжившие узники гетто, те, кого угнали в Германию в рабство, те, кто томился в фашистских застенках гестапо, те, на чьих руках время так и не стерло следы татуировок с номером узника концлагеря.

Сегодня почти все, кто пережил военное лихолетье, слабы здоровьем, любые воспоминания для них – это эмоции, которые могут усилить болезнь. Другие участники суровых годин были малолетними детьми. Но многие из них составили летопись по рассказам своих родных. Вот и Лариса Ивановна Молчанова записала рассказы своей матери Марии Трофимовны Истоминой-Кришталь, которые она приводит в написанной ею книге «Этой памяти – жить!».

До войны семья Ларисы Ивановны жила в станице Северской Краснодарского края. Ее отец, кубанский казак Иван Иванович Кришталь, 23 июня 41-го ушел добровольцем на фронт. «Его увезли на бричке. А мама бежала вслед и кричала: «Я тоже пойду на фронт!» Отец ей ответил: «Береги детей, Маша». С тем они и расстались».

Из воспоминаний Марии Трофимовны Истоминой-Кришталь: «В августе 42-го фашисты захватили наш край. Путь мне был один – в партизаны. Муж – партийный офицер, сама – комсорг. С детьми – Павлу три года, Ларисе год – я примкнула к партизанскому отряду «Овод» и стала связной в тылу врага. Одетая нищенкой, ходила по хуторам и станицам, собирая сведения для партизан. Годовалую Ларису мне привязывали за спину, Павла я держала за руку. По моим донесениям партизаны наносили удары по фашистам, подрывали их склады боеприпасов, взрывали немецкие поезда. Моя жизнь и жизнь моих детей постоянно висела на волоске. Моим домом были кусты, и дети были при мне. Они, маленькие, вряд ли понимали, что помогают мне в таком большом и опасном деле.

...Был сырой и холодный февраль, дети болели. Я решила зайти к своей матери на хутор, что располагался в нейтральной полосе, но только зашла в избу, раздались автоматные очереди. В хату ворвались румыны, схватили меня и ударили прикладом. Я упала. Очнувшись, подняла на руки Ларису, но солдат выхватил покрывало, в которое была завернута дочь. Вывели во двор, в хату бросили гранату. Я сняла с себя халат и завернула в него дочь. На нас направили дуло пулемета, у меня перед глазами все почернело, но не расстреляли, а повели в гестапо, что располагалось в 18 км от хутора в соседней станице.

Там нас бросили в подвал, где уже было много людей, а также трупов и

По данным историков, в концлагерях, лагерях смерти, тюрьмах содержалось 18 миллионов человек. Из них более 11 миллионов не дожили до освобождения. Каждый пятый узник – ребенок.

кучи крыс. Меня каждый день водили на допросы, но я стояла на своем: партизан не знаю, у меня дети, которые хотят есть, но полиция выдала, что я комсомолка... В один из дней меня, мою мать и детей вывели из подвала. Вокруг собрались жители станицы, я хотела им отдать детей, но полиция не дала: «Пусть партизанское отродье умрет с тобой». Мать привязала мне дочь к спине, сына я держала за руку, шестеро полицейских погнали нас в Краснодар. Я вся окровавленная, побитая, иду и падаю, а до города 30 километров.

В Краснодаре нас закрыли в школе вместе с другими жителями, согнанными со всего края. Гестаповцы в ней устроили



Юный партизан. 1942 год (фото Б. Игнатовича)

сборный пункт – тюрьму для тех, кто оказал им сопротивление. Многих расстреляли, уничтожили в душегубках, отравляя газом. Каждый день ров за городом наполнялся новыми трупами. Надежды на спасение – никакой. Единственное желание – скорее бы все это закончилось.

Однажды на переключке я заметила знакомое лицо. После обхода этот человек предупредил меня, что уйти нужно этой ночью, во дворе стояли три душегубки, которые завтра должны были сделать свое страшное дело. Он мне показал замаскированную дыру в заборе. Мать сказала мне и моей сестре Нине: «Вы молодые, вам жить, уходите! Я с детьми останусь». Дети голодные, плачут, как с ними бежать?! Мы договорились об условленном месте, где встретимся, если кто выживет. Как стемнело, мы с сестрой ушли. Моя мать, дождавшись смены караула, вышла с детьми и с трешкой денег в руках и просила охранника выпустить ее, чтобы купить детям семечек. «Ну, только быстрее, бабка», – позволил

отвезти в Краснодар в гестапо. Я очень боялась за дочь, вспоминая ту девочку, прижимала ее к себе и думала: не допущу, лучше погибнуть вместе».

Для Ларисы Ивановны основные детские воспоминания: голод, голод, голод... «Мы ели подряд всю траву и даже научились различать, какая травинка кисленькая, а какая сладенькая. Обсасывали все цветочки. Еще всю жизнь помню самую вкусную еду – рисовый суп с лаврушкой, им накормили нас солдаты из котелка, когда освободили Краснодар.

...После войны мы жили в землянке, спали на соломе покотом – все рядом. Когда мама пошла работать в колхоз бухгалтером, наши жилищные условия улучшились – мы перешли жить в колхозный сарай. Если мерзли, прижимались к козе, брат с одной стороны, я – с другой. Еще помню, как мама водила нас по знахаркам лечить от испуга, от всего пережитого мой братик лунатил».

Вместо послесловия

Бывшие малолетние узники нацизма – последние живые свидетели ужасов Второй мировой и самого жестокого в истории человечества нацистского террора против людей. Они же свидетели героизма советских воинов-освободителей, спасших тех, кто оказался в лагерях смерти, был угнан на чужбину.

В наше время практически все родители знают: психика ребенка формируется до шести лет, именно воспоминания событий, произошедшие в этом возрасте, оставляют в душе неизгладимый след на всю жизнь. А теперь все мы, трепетно оберегающие своих любимых чад, давайте представим, что творилось в тех детских душах, обожженных в горниле немецких застенков. И найдем в себе силы быть более великодушными и к своим родным, и к чужим людям, на долю которых выпали столь тяжкие испытания. И не только в преддверии Дня Победы.

Ольга Баркалова